

NATIONAL COMMUNISM
(SULTANGALIEVISM) AND NATIONAL
DEMOCRACY (KEMALISM) AS TWO
VERSIONS OF MODERNIZATION OF THE
TURKIC AND MUSLIM WORLD
ARTICLE 2.

R. Masalimov, Candidate of History, Associate Professor
Bashkir State University, Russia

The author considers the ideological trends of first third of the XX century – “National Communism” in Russia and “National Democracy” in Turkey. An attempt is made to present Sultangalievism and Kemalism as two versions of modernization of the Turkic and Muslim world.

Keywords: Turkic world (the Turks), modernization, democracy, socialism, national communism, Sultangalievism, Kemalism.

Conference participant,
National Research Analytics Championship

НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМ
(СУЛТАНГАЛИЕВИЗМ)
И НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ
(КЕМАЛИЗМ) КАК ДВА ВАРИАНТА
МОДЕРНИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА
СТАТЬЯ 2.

Масалимов Р.Н., канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный университет, Россия

В статье рассматриваются идейные течения первой трети XX столетия как «национальный коммунизм» в России и «национальная демократия» в Турции. Предпринимается попытка представить султангалиевизм и кемализм в качестве двух вариантов модернизации тюрко-мусульманского мира.

Ключевые слова: Тюркский мир (тюрки), модернизация, демократия, социализм, национальный коммунизм, султангалиевизм, кемализм.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1360>

Совершенно иной тип модернизации восточного общества представляет идеи Мустафы Кемалья Атаюрка – вождя кемалистской революции в Турции. Между “мусульманским” коммунизмом и кемализмом не могло быть ничего общего. Хотя они представляли два варианта одного и того же процесса. “Мусульманские” коммунисты были членами тоталитарной партии в тоталитарной системе. Они могли иметь общее только с коммунистической партией Турции Мустафы Субхи, которая потерпела фиаско в своей стране [1, с. 236-237].

Но всё же, при внимательном изучении, в историческом развитии однотипных социумов обнаруживается много общего. Тюрко-мусульманский “национальный” коммунизм в России фактически был плодом европейского просвещения на азиатской почве и джадидизма, практики эмансипации на основе чуждой для мусульман идеологии марксизма. Большинство лидеров и участников “мусульманского” коммунизма были воспитанниками джадидистских медресе и прогрессивных мусульманских просветителей. Условно можно сказать, что “национальный” коммунизм был вторым и последним этапом освободительного движения мусульман-тюрков России, полностью подпавшего под контроль русского большевизма.

Кемализм также был идеологией второго этапа развития освободитель-

ной борьбы турков. Узко-националистическая идеология первого этапа турецкой революции – младотурецкой революции 1908-1909 гг. – очень скоро перестала отвечать запросам турецкого общества, поскольку она была идеологией лишь поднимающей турецкой буржуазии и военной касты. Кемализм же опирался на весь народ, выражал интересы народных масс, прежде всего, крестьян, рабочих и интеллигенции, в том числе прогрессивной части военных. Ради справедливости надо отметить, что в целом национально-освободительное движение в Турции возглавляла анатолийская буржуазия: она была заинтересована в государственной независимости, что сулило ей укрепление экономических и политических позиций в Малой Азии.

Ещё одно сходство рассматриваемых двух идеологий: и кемализм, и тюрко-мусульманский коммунизм были идеологиями светскими. “Мусульманский” коммунизм в России не смог привлечь на свою сторону части российских мусульман (курбангалиевцы, валидовцы, басмачество и др.). Точно так же и кемализм, встав на путь лаицизма и европеизации, отрезал от себя часть мусульман-суннитов. Ещё предшественники кемалистов – младотурки, встав на путь пантюркизма, лишили арабов Османской империи всяких надежд на политическое участие. Парижский комитет “Арабская

независимость”, созданный сирийскими патриотами ещё до революции 1908 г., отмечал, что недостойно арабской нации, которая носила древнюю культуру, “стонать под игом представителей грубой силы” [3, с. 107].

Мустафа Кемаль отказался от младотурецкого понятия “türkçülük” (тюркизм), заменив его новым понятием “milliyetçilik” (национализм). Вместе с тем он различал нацию (millet - миллет) и народ (halk - хальк). Когда говорил он о нации, то выдвигал на первое место национальную солидарность, единство интересов всех слоёв и групп народа, отсутствие классовых антагонизмов и т.д. А народ, по М. Кемалю, это трудящиеся, материальные интересы которых не противостоят друг другу. В этом обнаруживается его стремление доказать неклассовый характер турецкого национализма, что сближает его не с “мусульманскими” коммунистами, а с буржуазными националистами, с национальными демократами.

Примечательно, вот что он заявлял: “Нация и представляющее её правительство, естественно, желают благополучия и счастья всем иноверцам, где бы они не жили... Мы видим, что и все мусульмане столь же заинтересованы в нашем счастье. Это проявляется каждодневно. Но управлять и руководить всем мусульманским обществом из одного центра как им-

перий, как одной большой империей – это фантазия! Это противоречит науке, знанию, логике» [1, с. 160]. Это неотразимый аргумент демократической сущности кемализма.

Тоталитарные партии могут существовать и в рамках плюралистических режимов: например, коммунистические партии в западных странах и Японии. Их присутствие явно изменяет плюралистическую структуру и представляет для неё очевидную угрозу, ибо естественное предназначение всякой тоталитарной партии – превращение в единственную. И наоборот: некоторые единственные партии практически не являются тоталитарными – ни по своей философии, ни по своей структуре. Наилучший пример тому именно партия М. Кемалья Ататюрка - Народно-Республиканская партия в Турции, которая с 1923 г. по 1946 г. функционировала в качестве единственной. Первая её особенность состояла в её демократической идеологии. Ей ни в какой степени не свойствен характер ордена или церкви, присущий её коммунистическим и/или фашистским подобиям. Она не предписывала своим членам ни единой веры, ни единой политики: кемалистская революция по своей сущности была прагматической. Она состояла в «вестернизации» Турции путём борьбы против главного препятствия, стоящего на пути модернизации стран Среднего Востока, – ислама. Антиклерикализм и рационализм кадров этой партии определённо сближает её с либералами XIX в.; даже их национализм не так уж отличается от тех национальных чувств, что волновали Европу в 1848 г. Менталитет этой партии иногда сравнивают с менталитетом французских радикал-социалистов в их лучшие времена, и в этом есть свой смысл. Даже само название республиканской гораздо больше роднит её с французской Революцией и терминологией XIX в., чем с авторитарными режимами XX в. Это сходство подтверждается и турецкой конституцией, предоставляющей всю полноту полномочий Великому национальному собранию – по примеру Конвента, в своё время отказавшегося создать особую исполнительную власть. Названная конституция цели-

ком основана на принципе национального суверенитета, который она чётко и ясно провозглашает: «Суверенитет принадлежит нации без каких-либо ограничений». Апологию власти, столь привычную для фашистских режимов, в кемалистской Турции заменила апология демократии: не той «новой», которую подают в качестве «народной» или «социальной», но просто традиционной политической демократии. Своё право управлять партия не выводила ни из своего элитарного (в политическом смысле) характера, ни из «передовых позиций рабочего класса», ни из провиденциальной природы своего вождя – а просто из того факта, что она добилась большинства на выборах.

Большинство, разумеется, было ей гарантировано – ведь за народные голоса боролся только один кандидат; но это уже другой аспект проблемы. Данное обстоятельство, кстати, рассматривалось не как идеал, но как печальная и временная необходимость. Однопартийный режим никогда не основывался здесь на доктрине единственной партии. Этой монополии не придавался официальный характер, её не пытались оправдать существованием бесклассового общества или стремлением устранить парламентские столкновения и либеральную демократию. Монополия здесь всегда называлась монополией, и её почти стыдились. В отличие от коммунистических или фашистских партий, которые считали себя образцом для подражания, эта партия расценивала свою единственность как нечто отрицательное. Идеалом её руководителей оставался плюрализм; монополия же вытекала из специфической политической ситуации Турции. М. Кемаль не раз пытался положить ей конец: один этот штрих глубоко показателен. Ничего подобного нельзя даже представить в гитлеровской Германии или фашистской Италии. В 1924 г. прогрессистская партия Кязима Карабекира предприняла первую попытку учреждения плюрализма, которая закончилась введением после восстания курдов в 1925 г. осадного положения и изгнанием депутатов-прогрессистов из ВНСТ. В 1930 г. М. Кемаль Ататюрк поручил создать из её остатков

либеральную партию для своего друга Фетхи-бея, посланника в Париже, специально отозванного оттуда по такому случаю; но эта оппозиция стала местом сосредоточения противников режима, особенно клерикалов и религиозных фанатиков, и была распущена. В 1935 г. с согласия республиканской народной партии были введены выборы независимых кандидатов. Нередко эти усилия связывают с попыткой создать оппозицию. Так или иначе, все это означает, что М. Кемаль рассматривал плюрализм как высшую ценность и действовал в рамках плюралистической философии государства.

Турецкий национал-демократизм, как и национал-коммунизм в тюркомусульманском мире, был проявлением этнической дифференциации эпохи индустриализации и модернизации. Весьма интересно, что в самом арабском мире в этот период зарождается арабский этнический национализм, постепенно формируется секуляристское, по сути, политическое движение [4, с. 159-162].

Иногда кажется, что корни кемализма, и национал-коммунизма тюркских народов России идут от азиатского менталитета, высшим проявлением которого был гандизм. Правда, сами идеологи кемализма и коммунизма открыто этого не могли признать, по известным причинам. Доктрина и тех, и других требовала отказа от принципов ненасилия в борьбе за национальное и социальное освобождение. В это время Махатма Ганди писал: «Два пути открыты перед Индией: следовать западному принципу «сила – это право» или придерживаться восточного принципа, согласно которому только истина побеждает; истина не знает поражений, сильный и слабый имеют одинаковое право на справедливость» [2, с. 51]. Восхищает то, каким толерантным и гуманным деятелем был великий Ганди. Но больше всего поражает его гениальное предвидение. «Я горжусь своим союзом с мусульманами, – писал он. – Ислам не отрицает бога. Ислам – это признание одного высшего божества. Даже худшие из клеветников ислама никогда не обвиняли его в атеизме. Следовательно, если большевизм – это атеизм, между ним и исламом не может быть ничего общего. В таком случае они должны схватиться

на смерть. Это будет объятие противников, а не друзей» [2, с. 51].

В заключение необходимо остановиться на весьма щепетильной стороне практики национал-демократизма и национал-коммунизма. На это мало кто обращает внимание. В первой трети XX в. в демократической веймарской Германии появился «национал-социализм». В своей борьбе за влияние на широкие массы немецкого рабочего класса, среднего класса и деклассированных слоёв партия Адольфа Гитлера неизбежно вступила в столкновение со своим главным соперником на этом пространстве – интернационалистической КПГ. В то же время, провозгласив в качестве одного из своих важнейших программных требований завоевание «жизненного пространства», Гитлер в своей книге «Mein Kampf» раскрыл свои карты, объявив главной целью своей территориальной экспансии СССР, прежде всего, Украину с Крымом. И вместе с тем в доктрине сталинизма – национал-большевизма и доктрине гитлеризма – национал-социализма было очень много общего. Ещё до своего прихода к власти Адольф Гитлер говорил Герману Раушнингу: «Вообще-то между нами и большевиками больше объединяющего, чем разделяющего. Из мелкобуржуазного социал-демократа и профсоюзного бонзы никогда не выйдет настоящего национал-социалиста, из коммуниста – всегда» [3, с. 18]. И действительно, в 1920-1930-е гг. та-

кие переходы из коммунистов в нацисты и обратно не было редкостью. Я уже писал, что в гитлеровском Третьем Рейхе и сталинистском СССР многое поразительным образом совпадало.

Итак, исторический опыт национал-коммунистов и кемалистов имеет огромное значение для современности. Этот опыт предупреждает, что стремление навязать национальной жизни любого народа одного лишь «единственно верного учения», одной только идеологии не имеет перспектив; «национальный коммунизм», как и «интернациональный», и кемализм, трансформировавшийся во французскую разновидность буржуазного демократизма, ведут лишь к историческому тупику. Национальная жизнь должна быть полнокровной, многообразной, свободной, плюралистической. В ней ни одна идеология, ни одна религия не должна претендовать на господство. И кемализм, и национальный коммунизм были лишь двумя сторонами одного и того же процесса – радикализации движений народов за национальную и социальную эмансипацию в конкретный период их истории.

References:

1. Kilasov R.K. Burzhuzaznye revoljucii v Turcii v pervoj chetverti XX veka: Dva jetapa tureckogo revoljucionnogo dvizhenija [Bourgeois revolutions in Turkey in the first quarter of the XX century: two stages of the

Turkish revolutionary movement]. – Mahachkala., 1990.

2. Masalimov R.N., Panfilov V.E. Fenomen «nacional'no kommunizma» v Povolzh'e i na Urale (1918-1928 gg.) [Phenomenon of «national communism» in Volga region and Urals (1918-1928)], Vestnik Birskej gosudarstvennoj social'no-pedagogicheskoj akademii [Bulletin of Birskey state social and pedagogical academy]. – Ser. Social'no-gumanitarnye nauki [Series: Social and humanitarian sciences]. – 2005., Issue 5.

3. Fradkin I.M. Gitler: slovesnyj portret [Hitler: description], Piker G. Zastol'nye razgovory Gitlera [Tabletalks of Hitler]. – Smolensk., 1993.

4. Massalimov Rijas N., Donster Sakira-Lise. Die Anfangsstufe der Politisierung des Islams., Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki i istoricheskogo obrazovanija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Urgent problems of historical science and historical education: Materials of the International scientific and practical conference], Part I. – Birsck., 2008.

Литература:

1. Киласов Р.К. Буржуазные революции в Турции в первой четверти XX века: Два этапа турецкого революционного движения. – Махачкала., 1990.

2. Масалимов Р.Н., Панфилов В.Е. Феномен «национального коммунизма» в Поволжье и на Урале (1918-1928 гг.), Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии. – Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2005., Вып. 5.

3. Фрадкин И.М. Гитлер: словесный портрет, Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск., 1993.

4. Massalimov Rijas N., Donster Sakira-Lise. Die Anfangsstufe der Politisierung des Islams., Актуальные проблемы исторической науки и исторического образования: Материалы Международной научно-практической конференции., Часть I. – Бирск., 2008.

Information about author:

1. Riyaz Masalimov - Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State University; address: Russia, Birsck city; e-mail: istfak10@mail.ru

